

An abstract painting with vibrant, expressive brushstrokes in shades of blue, orange, red, and yellow. The composition is dynamic and textured, with a central focus on a bright orange and red area. The background is a mix of dark and light tones, creating a sense of depth and movement.

Александр Восьмой

**Зипо Татам ОАЭ
(Облитератор 4)**

Александр Восьмой

Зипо Татам ОАЭ (Облитератор 4)

«Автор»

2026

Восьмой А.

Зипо Татам ОАЭ (Облитератор 4) / А. Восьмой — «Автор», 2026

В маленькой стране Зипо Татам находят нефть — и мир устремляется к её богатствам. 150 держав вступают в ожесточённую борьбу за каждый кубометр, превращая нацию в шахматную доску глобальной политики. Страна получает триллионы — но лишь на бумаге: контракты, цифры, обещания. Иллюзия процветания рушится стремительно: нефть иссякает, резервуары пустеют, долги растут, а вера в «бумажное» богатство оборачивается катастрофой. Герой проходит путь от участника системы до её разоблачителя: сквозь дым закрытых комнат, шёпот аукционов и напряжение, которое можно резать ножом, он ищет правду. Протесты, тайные расследования, крах финансовых иллюзий — и наконец, осознание: истинное богатство — не в цифрах на экранах, а в людях, готовых строить будущее своими руками. «Пепел и надежда»: история о том, как маленькая страна учится жить без иллюзий — и обретает силу в реальности.

© Восьмой А., 2026

© Автор, 2026

Александр Восьмой

Зипо Татам ОАЭ (Облитератор 4)

Глава 1. «Чёрное золото: первый глоток власти»

Рассвет в Зипо-Татаме всегда наступал тихо — будто земля не хотела спугнуть хрупкое равновесие, царившее в маленькой стране. Но в это утро тишина была иной: она звенела, как натянутая струна, готовая лопнуть от первого резкого звука. Воздух пах травой, дымом старых костров и чем-то ещё — сырой землёй, терпкостью глины и едва уловимой горечью, которую раньше никто не замечал.

На окраине, там, где равнина плавно переходила в пологие холмы, стояла буровая вышка — железная исполинская конструкция, казавшаяся чужеродным телом среди мягких линий местного пейзажа. Вокруг неё суежились люди в промасленных робах: геологи, инженеры, техники. Их лица были напряжены, в глазах читалось ожидание, смешанное с тревогой. Они знали: сегодня решается не просто судьба одной скважины — сегодня решается судьба всей страны.

Молодой советник министра экономики Арден Карис стоял чуть в стороне, обхватив себя руками, будто пытаясь удержать внутри ту бурю эмоций, что рвалась наружу. Ему было чуть за тридцать, и он привык мыслить категориями графиков, прогнозов и макроэкономических моделей. Но сейчас цифры не помогали. Перед ним была реальность — грубая, пахнущая железом и нефтью, живая и непредсказуемая.

— Давление растёт, — пробормотал один из геологов, не отрывая взгляда от приборов. — Ещё немного... ещё чуть-чуть...

Стрелки на манометрах подрагивали, словно боялись зафиксировать тот миг, когда всё изменится. Арден смотрел на них, и ему казалось, что эти дрожащие линии — пульс самой земли. И вот, когда напряжение достигло предела, раздался глухой, утробный звук — будто сама планета вздохнула. Из скважины вырвалась струя тёмной, густой жидкости. Нефть. Чёрное золото.

Она била вверх, тяжёлая, маслянистая, почти чёрная в первых лучах солнца, и казалась пророчеством — мрачным, неизбежным, но манящим. Люди закричали, кто-то смеялся, кто-то крестился, а кто-то просто застыл, не веря своим глазам. Арден не двигался. Он смотрел, как эта густая тьма стекает по желобам, заполняя первые резервуары, и понимал: это не просто ресурс. Это ключ. Ключ к новой эпохе, в которой Зипо-Татам либо взлетит до небес, либо сгорит дотла.

В столице, в нескольких десятках километров отсюда, новость разлетелась мгновенно. Телефоны звонили без остановки, чиновники срывались с мест, переглядывались, шептали о триллионах, о величии, о будущем, которое теперь казалось таким близким и осязаемым. В коридорах министерства экономики воздух стал густым от амбиций и планов. Министры рисовали на картах новые маршруты трубопроводов, обсуждали возможные альянсы, просчитывали выгоды. Для них нефть уже была не жидкостью, а цифрами, строками в бюджетах, процентами роста.

А в деревнях, на окраинах городов, люди выходили из домов, смотрели в сторону равнины, откуда доносился гул насосов, и видели в этой вышке чудо. Для них это был знак: наконец-то их маленькая страна, которую многие даже не находили на карте, станет значимой. Станет богатой. Станет сильной.

Арден вернулся в столицу ближе к полудню. Город уже изменился. На улицах было больше людей, больше машин, больше суеты. В кафе обсуждали нефть, в магазинах говорили о будущем, даже дети на площадях играли в «добытчиков» и «министров». А в кабинете мини-

стра экономики уже сидели эксперты, раскладывали карты, чертили графики и спорили о квотах.

— Мы должны действовать быстро, — говорил министр, постукивая пальцами по столу. — Пока другие не поняли, насколько это серьёзно. Пока не пришли.

«Пока не пришли», — эхом отозвалось в голове Ардена. Он знал, что это неизбежно. Сто пятьдесят стран мира не оставят такую находку без внимания. Но он также знал, что скорость и решительность сейчас — единственное, что может спасти Зипо-Татам от превращения в просто территорию на чьей-то чужой карте.

Вечером Арден вышел на балкон своего дома. Город мерцал огнями, но за его пределами, там, на равнине, виднелись отсветы буровых площадок — яркие, настойчивые, как глаза хищников, высматривающих добычу. Он вдохнул прохладный воздух, в котором всё ещё чувствовался запах сырой земли, и понял: первый глоток власти оказался горьким. Он давал силу, но требовал платы. И Арден подозревал, что цена будет выше, чем кто-либо готов заплатить.

Тишина над нефтяными полями уже не была мирной. Она была напряжённой, выжидающей. Как перед бурей. И Арден знал: буря уже на подходе.

Глава 2. «Сто пятьдесят теней у порога»

Неделя пролетела, как один судорожный вдох. Ещё недавно улицы столицы Зипо-Татама жили привычной, размеренной жизнью: торговцы раскладывали фрукты, дети гоняли мяч между киосками, а старики грелись на скамейках у площади. Теперь город напоминал разворошённый муравейник — суетливый, напряжённый, будто готовый в любой момент сорваться в паническое бегство.

Делегации прибывали одна за другой. Самолёты садились с интервалом в пятнадцать минут, вереницы бронированных автомобилей тянулись от аэропорта к центру, а отели, ещё вчера полупустые, теперь не справлялись с наплывом гостей. В холлах шептались на десятках языков, в лифтах сталкивались представители стран, которые годами не обменивались даже формальными приветствиями. Каждый привёз с собой не просто дипломатический протокол — он привёз интерес, расчёт и тень угрозы.

Арден Карис, советник министра экономики, шёл по коридору министерства, и ему казалось, что стены стали тоньше, а воздух — гуще. Он слышал обрывки фраз: «... квота не меньше тридцати процентов...», «...если они согласятся на пункт 14, мы теряем логистический коридор...», «...пусть думают, что мы колеблемся, но ни шагу назад...». Голоса звучали приглушённо, но в них звенела сталь. Здесь не спорили — здесь готовились к бою.

В главном зале переговоров уже стояли столы, расставленные по хитрой схеме: не кругом, не квадратом, а так, чтобы одни делегации всегда оказывались в зоне прямой видимости других, а третьи — в слепой зоне. Это была не случайность, а продуманная расстановка сил. На каждом столе — флажки, таблички, папки с документами, чашки остывшего кофе. И над всем этим висело напряжение, плотное, как влажный туман в низине.

Когда в зал вошли первые представители, Арден заметил, как изменились лица местных чиновников. Они старались держаться прямо, говорить уверенно, но в их движениях сквозила неуверенность — будто они впервые осознали, что играют не в тренировочную партию, а в игру, где ставкой была судьба страны.

— Они смотрят на нас, как на карту, которую можно перекроить, — тихо сказал Ардену министр, стоя у окна и наблюдая за тем, как у входа в здание останавливается очередная кортеж. — Каждый из них уже мысленно поделил нашу нефть, наши маршруты, даже наши города.

Арден кивнул. Он и сам это видел. В глазах дипломатов не было любопытства — была оценка. Холодная, расчётливая, безличная. Для них Зипо-Татам перестал быть страной — он стал ресурсом, территорией, переменной в уравнении, которое они решали годами.

На улице патрули усилили: полицейские в бронежилетах стояли на каждом перекрёстке, камеры крутили головами, сканируя толпу. Даже воздух, казалось, был наэлектризован — каждый прохожий чувствовал, что происходит что-то важное, и каждый по-своему пытался это осмыслить. Кто-то радовался: «Теперь нас заметят!», кто-то тревожился: «А вдруг нас просто используют?».

Вечером, когда официальные встречи закончились, начались другие — те, о которых не писали в пресс-релизах. В полутёмных кабинетах, за закрытыми дверями, в барах, где музыка играла слишком громко, чтобы можно было подслушать разговор, велись настоящие торги. Здесь не говорили о квотах и процентах — здесь говорили о влиянии, о связях, о том, кто кому должен и кто кого сможет заставить.

Арден оказался в одном из таких кабинетов — его позвали как эксперта, способного объяснить тонкости местной экономики. Но, едва переступив порог, он понял, что его знания здесь не главное. Главное — это то, что он представлял страну, которая внезапно стала слишком ценной и слишком уязвимой. Напротив него сидели трое: представитель крупной державы с лицом, будто высеченным из камня, советник по энергетике с цепким взглядом и третий — человек без явного статуса, но с ауры власти, от которой становилось не по себе.

— Мы можем предложить вам гарантии, — ровным голосом произнёс первый, глядя не на бумаги, а прямо в глаза Ардену. — Долгосрочные контракты, инвестиции, инфраструктуру. Всё, что нужно, чтобы ваша страна развивалась.

— Или мы можем предложить то, что вам действительно нужно прямо сейчас, — добавил второй, чуть наклонившись вперёд. — Ликвидность. Деньги. Реальные деньги, не обещания.

Третий молчал, но его молчание было громче слов. Оно говорило: «Мы знаем, что вы колеблетесь. Мы знаем, что у вас нет времени. Мы знаем, что скоро вы сделаете выбор — и он будет не вашим».

Арден сдержал дрожь в пальцах, сжал ручку так, что побелели костяшки. Он понимал: перед ним не предложение, а ловушка. Каждое слово было приманкой, каждая пауза — давлением. И самое страшное было в том, что ни один из этих вариантов не гарантировал, что Зипо-Татам останется собой.

Выйдя из здания в полночь, Арден остановился на ступенях, вдыхая прохладу ночи. Город не спал: огни горели, машины сновали туда-сюда, в переулках шептались люди. Над столицей висела тяжесть — невидимая, но осязаемая, как грозовая туча, которая ещё не разразилась дождём, но уже накрыла всё своей тенью.

Он посмотрел на небо, где звёзды казались тусклыми из-за городского света, и подумал: сто пятьдесят стран. Сто пятьдесят интересов. Сто пятьдесят теней, собравшихся у порога его родины. И каждая из них хотела забрать своё — даже если для этого придётся стереть Зипо-Татам с карты мира.

«Мы должны быть умнее, — прошептал он себе, спускаясь по ступеням. — Мы должны быть быстрее. Иначе нас просто переиграют».

И где-то в глубине души он знал: игра уже началась. А Зипо-Татам, маленькая страна с большими надеждами, стояла на самой уязвимой клетке шахматной доски — и каждый ход теперь мог стать роковым.

Глава 3. «Аукцион: танец цифр и нервов»

Главный зал аукциона был выстроен так, будто его проектировали как святилище новой веры — веры в деньги. Высокие своды, мраморные колонны, приглушённый свет, падающий строго на подиум, и ряды кресел, обращённых к центру, словно скамьи в храме. Только вместо молитв здесь звучали ставки, вместо песнопений — шёпот делегатов, а вместо благословения раздавался сухой стук молотка, от которого у Ардена сжималось сердце.

Сотни глаз следили за каждым движением аукциониста — человека с лицом, лишённым эмоций, будто он был не человеком, а механизмом, призванным фиксировать сделки между империями. На экранах по периметру зала бежали цифры: котировки, прогнозы, текущие ставки, объёмы. Они мерцали, как холодные звёзды, равнодушные к судьбе маленькой страны, оказавшейся в центре этого водоворота.

Арден стоял у боковой стены, стараясь не привлекать внимания, но чувствуя на себе взгляды — тяжёлые, оценивающие, хищные. Он знал: для этих людей он не советник, не экономист, не человек. Он — представитель территории, которую делят, как пирог. И каждый кусок должен достаться тому, кто предложит больше, а не тому, кто сможет распорядиться им с умом.

Первый лот — квота на добычу в северном секторе. Стартовая цена была названа, и тишина в зале стала почти осязаемой, как перед грозой. Потом раздался первый голос — спокойный, уверенный, будто цифра, которую он назвал, была не суммой, а приговором. За ним последовал второй, третий... ставки росли, голоса становились жёстче, паузы между ними — короче.

— Пятьдесят миллиардов! — выкрикнул представитель крупной державы, даже не взглянув на соседей.

— Шестьдесят, — холодно ответил другой, едва шевельнув губами.

— Семьдесят пять, — прозвучало откуда-то из середины зала, и в этом голосе слышалась угроза: «Не спорьте. Это будет наше».

Арден смотрел на экраны, где цифры сменяли друг друга с пугающей скоростью. Они казались ему нереальными — абстрактными символами, которые не имели ничего общего с землёй, с вышками, с людьми, которые ещё недавно жили спокойно, не зная, что их будущее можно выставить на торги.

Второй лот — права на инфраструктуру. Здесь ставки были ещё выше, а напряжение — плотнее. Делегации не просто торговались, они демонстрировали силу: кто-то нарочно затягивал паузу, чтобы показать, что может позволить себе не спешить; кто-то, напротив, бросал цифры слишком быстро, словно пытаясь ошеломить соперников. В воздухе витал запах дорожного парфюма, табака и чего-то ещё — острый, почти животной жадности.

Где-то в задних рядах мелькнула тень: человек в тёмном костюме скользнул к боковой двери, на секунду задержался, обменялся парой слов с кем-то из помощников и исчез. Арден знал, что такие тени — часть игры. Здесь торговались не только на виду. За кулисами шли другие торги: обещания, угрозы, подкупы, обмен информацией, которая стоила дороже любой квоты.

Третий лот — кубометры нефти из центрального месторождения. Самый ценный. Самый желанный. Когда аукционист объявил его, в зале стало тише, чем до начала торгов. Казалось, даже экраны перестали мерцать, будто и они ждали, что произойдёт дальше.

Ставки взлетели до небес. Цифры на экранах уже не просто бежали — они метались, как испуганные птицы. Арден чувствовал, как у него холодеют пальцы. Он понимал: сейчас решается не просто судьба месторождения. Сейчас продаётся будущее Зипо-Татама — год за годом, капля за каплей. И никто из этих людей не думал о том, что будет, когда нефть закончится. Их интересовал только сегодняшний выигрыш.

— Сто двадцать миллиардов! — прозвучал голос, и в нём слышалась окончательность.

— Сто тридцать, — ответил другой, и в этой цифре была не просто ставка, а вызов.

— Сто пятьдесят, — произнёс третий, и молоток аукциониста замер в воздухе, словно прислушиваясь к тишине, которая повисла после этих слов.

Тишина длилась мгновение — но в этом мгновении уместилась целая жизнь. Арден видел, как делегаты переглядываются, как кто-то кивает, признавая поражение, а кто-то сжимает кулаки, готовясь к следующему раунду. И вот — стук. Сухой, короткий, безжалостный. Лот продан.

Аукционист назвал имя победителя, и зал едва заметно выдохнул. Но это не был вздох облегчения. Это был вдох перед новой схваткой. Потому что впереди были ещё лоты. Ещё квоты. Ещё права. Ещё кусочки страны, которые можно было продать, обменять, использовать.

После перерыва торги возобновились с новой силой. Теперь речь шла не только о нефти, но и о контроле над логистикой, о доступе к портам, о праве на строительство трубопроводов. Каждая сделка была как гвоздь в крышку гроба прежней жизни Зипо-Татама. Страна превращалась в набор активов, в перечень цифр, в строчку в отчёте.

К вечеру, когда последний лот был продан, а залы опустели, Арден остался стоять у окна, глядя на город, который уже не казался ему родным. Огни мерцали, машины сновали по улицам, люди спешили по своим делам, не подозревая, что сегодня их будущее было продано за цифры на экране.

Он достал из кармана блокнот, в котором записывал ключевые ставки, имена победителей, условия сделок. Страницы были исписаны мелким, торопливым почерком — словно он пытался удержать ускользающую реальность. Но чем больше он смотрел на эти записи, тем яснее понимал: цифры не имеют веса. Они не пахнут землёй, не шумят насосами, не греют руки. Они — просто символы, в которые все решили верить.

«Это богатство или иллюзия?» — подумал он, сжимая блокнот в руке. И в этот момент ему стало страшно не от того, что страна потеряла нефть. А от того, что все вокруг поверили, будто цифры могут её заменить.

За окном город продолжал жить своей жизнью, не замечая, что только что переступил невидимую черту. Зипо-Татам получил триллионы. Бумажные триллионы, записанные в контрактах, зафиксированные в базах данных, подтверждённые подписями и печатями. Но в этих триллионах не было золота, не было зерна, не было тепла. В них была только вера. А вера, как знал Арден, могла исчезнуть быстрее, чем нефть из скважин.

Он закрыл блокнот и посмотрел на опустевший зал аукциона. Теперь он казался ему не храмом, а склепом — величественным, холодным, хранящим останки чего-то важного, что уже ушло навсегда. И где-то глубоко внутри него зрело понимание: настоящая битва ещё впереди. Потому что когда цифры перестанут иметь значение, когда контракты превратятся в пыль, останется только реальность. Суровая, беспощадная и настоящая. И к ней нужно быть готовым.

Глава 4. «Триллионы на бумаге: иллюзия богатства»

Тишина в кабинете была не мирной, а давящей — такой, какая бывает в комнате, где только что прозвучала фраза, которую никто не хочет повторять. Арден Карис сидел за массивным столом, перед ним лежали стопки документов — толстые, тяжёлые, будто набитые не бумагой, а свинцом. Контракты. Соглашения. Приложения. Сноски мелким шрифтом, которые приходилось разглядывать под лупой. А рядом мерцали экраны: графики, курсы валют, индексы, потоки данных, бегущие строками, словно пытаясь убедить всех, что система жива.

Триллионы. Это слово звучало повсюду: в коридорах министерства, в новостях, в разговорах таксистов и официантов. «У нас триллионы!» — говорили люди, и в их голосах слышалось облегчение, почти ликование. Как будто эти цифры сами по себе могли согреть дома, накормить детей, починить дороги. Но Арден смотрел на страницы, испещрённые юридическими формулировками, и чувствовал, как под этим словом расплзается пустота.

Он перевернул лист. Пункт 12. Подпункт 3. Формулировка, которая позволяла покупателю отложить платёж «в случае изменения рыночной конъюнктуры». Ещё один пункт, по которому обязательства могли быть пересмотрены «по согласованию сторон». И ещё один, где «гарантированная сумма» оказывалась вовсе не гарантией, а опцией — если звёзды сойдутся, если рынки не рухнут, если кто-то где-то кивнёт в нужный момент.

Арден откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. Перед внутренним взором всплыл образ: ржавая вышка на фоне серого неба, ветер, гуляющий между пустых резервуаров. Он прогнал его, но тот вернулся, настойчивый и холодный. Нефть утекала быстрее, чем кто-либо ожидал. Объёмы добычи падали, скважины сдавали позиции, а деньги, которые должны были стать опорой, существовали только на экранах и в строках договоров.

В дверь постучали, и вошёл министр — усталый, с тёмными кругами под глазами, в слегка помятом костюме.

— Ну, что скажешь? — спросил он, опускаясь в кресло напротив. Голос звучал не властно, а устало, будто он уже знал ответ, но надеялся, что Арден его опровергнет.

— Это не деньги, — тихо произнёс Арден, постукивая пальцем по стопке контрактов. — Это обещания. Цифры, в которые мы все договорились верить.

Министр горько усмехнулся:

— А разве деньги когда-нибудь были чем-то большим?

— Раньше они хотя бы были чем-то осязаемым. Золотом. Зерном. Металлом. А теперь... теперь это строчки кода и подписи на бумаге. И если вера в них исчезнет...

— То у нас не останется ничего, — закончил за него министр.

Они помолчали. За окном город жил своей жизнью: гудели машины, мелькали огни, люди спешили по делам, уверенные, что теперь всё будет хорошо. Но в этом кабинете иллюзия начинала трещать по швам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.